

Меньше делаем руками — глупеем

Поэт и публицист Майя Никулина о том, почему приучать к чтению в школе — это уже безнадежно поздно

Евгений ЯЧМЕНЁВ

Наш недавний собеседник, заведующий отделом поэзии журнала «Урал» Юрий Казарин назвал Майю Никулину одним из двух по-настоящему крупных уральских поэтов. После такой рекомендации захотелось обязательно познакомиться с Майей Петровной. Она же отнеслась к предложению встретиться без особого энтузиазма: «Я человек непубличный и очень не люблю давать интервью». Однако, когда мы предложили поговорить о современном чтении, Майя Петровна тут же согласилась. Оказалось, что эта тема для неё действительно наболела.

— Майя Петровна, когда мы считали нашу страну самой читающей.

— И это абсолютная правда. Теперь уже нет, и не будет больше никогда. Мир ушёл в Интернет и говорит там на своём языке. Я 59 лет работаю, и всегда работала в тех местах, где есть книга и читатель — в библиотеке, в издательстве, в школе. Люди занимали очередь на журналы, где печатались Астафьев, Залыгин, Распутин, ибо в те годы полагалось не читать, а читать. Было издано столько книг, столько журналов. Мы как методический центр ездили по всем уральским библиотекам; как были комплектованы деревенские библиотеки — никто не поверит.

«А ведь когда-то люди свои великие тексты проговаривали вслух на память»

— И когда же, на ваш взгляд, начался спад?

— В середине 80-х, когда началось глобальное поругание и отрицание всего советского. Но я скажу, что тех, кто читает самую высокопробную литературу, для которых чтение — это обязательная составляющая их жизни, факт биографии, без которого их жизнь была бы совершенно иной, которые понимают, что читают такую литературу, они прибавляют к высочайшим энергиям, таких всегда было чудовищно мало. Но именно они удерживают высшую планку.

— Но можно хотя бы сказать, что этот тонкий слой сохранился неизменным?

— По-моему, он стал ещё тоньше. Ибо то, что пережила страна в 90-е годы, нанесло нашему культурному уровню чудовищный урон. Самое страшное — были абсолютные разрывы критерия того, что такое хорошо и что такое плохо. Было издано столько книг, столько журналов. Мы как методический центр ездили по всем уральским библиотекам; как были комплектованы деревенские библиотеки — никто не поверит.

«А ведь когда-то люди свои великие тексты проговаривали вслух на память»

на вопрос «Что читать?» поднимала брови и говорила: «Как это что? Всё! Включая письма! Мы говорим о Пушкине, девочки!»... Я была потрясена, когда увидела облегчённый вариант «Войны и мира» объёмом в 76 страниц, а тургеневские «Отцы и дети» на тринадцатых страницах. Мир изменился. Люди сели к экранам и нажимают на кнопки. А ведь когда-то люди свои великие тексты проговаривали вслух на память и передавали их из поколения в поколение. На протяжении десяти поколений тексты были живы! Эта культура пала под натиском прогресса — стали печатать книги на станке. Сегодня, через несколько веков, уже книжная культура не скажу, что пала, но сильно погнулась.

— А вот смотрите, книжная культура, пришедшая на смену говорящей, это же был шаг вперёд? Но тогда же были те, кто сокращался, что и возникновение книг, что-то теряется. Интонация в первую очередь. А может, и сейчас происходит прогрессивный переход к новым формам, который мы не в состоянии оценить?

— Это же великое удобство — держать перед собой книгу. И появление этого было неизбежно. При всяком движении

вперёд мы много теряем. А сейчас мы сели к экранам и теряем великую литературу. Когда я сижу в машине, а мне в ухо читают Льва Николаевича Толстого — это не общение с великим текстом. Может быть, это удобно, современно, но от Толстого вам уже мало что останется.

— Но ведь сейчас у людей читающих есть прекрасная возможность вместо чмождана книги, как бывало прежде, взять с собой в отпуск небольшое устройство с сотнями книг.

— А что у них в этом небольшом устройстве? Я однажды привела такой социологический эксперимент — пять дней, когда люди уходили с пляжа, я смотрела, что оставало под лежаками. Меня поразило, что третья часть от собранного составила «Стивен Кинг». А это не высокая литература, а компьютерный роман, который пишется не максимальным напряжением души, а чем-то другим; точно так же, как пустой детектив. Лучше ходить по берегу галечки собирать, чем читать такое. Такое чтение заставляет душу работать в десятую часть её возможностей, а надо, чтобы она работала выше возможностей, что нам и предлагает великая литература.

— Вы много лет работаете в школе. Современные ученики — уже потерянное поколение?

— Сейчас главный предмет в школе — английский язык. Приходят родители и удивляются, что их дети четыре-пять лет учат английский язык, но до сих пор не говорят на нём. Но почему-то никто не удивляется, что дети по-русски плохо говорят... Когда в 90-е годы, чтобы дети не померли с голоду, принесли таскались с котомками в Турцию и торговать на улицах, то всё — дети сначала были предоставлены сами себе, а сейчас... Двухлетнему ребёнку выдаётся штучка, в которую он тычет пальчиком и смотрит эти страшлики. Наша школа началась двадцать четыре года назад. Наши первые дети ещё знали, что такое сказка и что такое колыбельная. А это такой роскошный язык, это такое слово. Это бархат и шёлк, нега и любовь, в которых засыпает ребёнок, и ему снится красивые сны. А уже лет десять-пятнадцать назад дети не знали, что это такое. Прививать всё это в школе безнадежно поздно — читать ему книжки и говорить с ним надо много раньше. Но родителям же некогда. Они же считают, что посадили ребёнка перед экраном, и теперь у него всё есть. А это какое-то чудовищное различие

человека с культурой языка, с силой слова.

— Мы ведь помним, как говорили, что с развитием техники у человека будет больше свободного времени, которое он сможет посвятить саморазвитию. А что на практике? Получилось, что эта самая новая техника не то чтобы не дала больше свободного времени, а наоборот, нас поработила.

— Сейчас ведь дети совершенно освобождены от физического труда. У меня был урок о стреле. С кучей материалов — из древнего эпоса, из Гомера, из сказок. «Что вы можете сказать про стрелу?» В ответ до десяти слов. Тогда я всем даю по палочке, кремнёвому резачку, и мы весь урок вытаскивали стрелы. «Рассказывайте, что вы сделали». И уже не десять слов было сказано, а до семидесяти двух! Всё то, что они делали, они могли назвать словом. Был всякий подказок.

— Так это получается, что чем меньше мы делаем что-то руками, тем...

— Тем мы глупее. Именно так. Я иной раз думаю — может, их лучше научить или готовить. Результат-то получается очень наглядный. Мы на уроках корабли делали из веников. Точно так же делался корабль фараонов. И плавать эти веники в тазах, но словобития накачивали сотни. И это уже не забудется никогда. А когда они из бисера всякие цветочки делают, это же здорово. Потому что сколь тонкую работу выполняет ваши пальцы, столь же тонкую работу выполняет и наш мозг. Но цветочков мало. Нужно, чтобы вместе жили живая работа, вещь, слово и книга.

Майя Никулина

Полная версия интервью — на сайте «ОГ»: www.oblgazeta.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

● 5-6 декабря в 11.00 в музее «Литературная жизнь Урала XIX века» (ул. Толмачёва, 41) пройдёт семейная программа «Английские песенки для малышей» (с 3 лет). Справки по телефону: +7 (343) 371-22-81.
● 8 декабря в 18.30 в Свердловской государственной детской филармонии (ул. 8 Марта, 36) протоиерей Артемий Владимирович Владимир предстанит три книги: «С высоты птичьего полёта», «Мой Университет» и «Учительство». Это биографическая трилогия. Все три книги воспринимаются как цельное художественное произведение и рассчитаны на самый широкий круг читателей — не только родителей, учителей и директоров школ, но и школьников. Цена билетов: 200 рублей.

● 12 декабря в 14.00 в музее «Литературная жизнь Урала XIX века» (ул. Толмачёва, 41) пройдёт литературный вечер «Любимая книга моей судьбы». Запись по телефону: +7 (343) 371-22-81.

● 14 декабря в 18.30 в библиотеке им. Белинского (4 этаж, арт-гостиния) пройдёт встреча с писательницей Ольгой Колотовой. Ольга Колотова — писательница, историк, автор популярного приключенческого романа об испанской инквизиции XVII века — «Инквизитор. Охота на дьявола».

● 18 декабря в 18.00 в Муниципальном объединении библиотек (ул. А. Велека, 12) — презентация детского альманаха в рамках фестиваля «Толстяки на Урале». Фестиваль прошёл в июне этого года, но детскую часть представляют только сейчас. На презентацию впервые придут детские писатели Елена Ленковская и Светлана Лаврова. Кроме того, к ним присоединится артистка Екатеринбургского театра кукол Наталья Гаранина, которая покажет небольшой спектакль.

— Мы вели детскую рубрику в «Урале», а потом решили это всё собрать и выпустить альманах, — рассказывает Надежда Колтышева, заместитель главного редактора по вопросам развития. — Это, конечно, часть фестиваля, который был в июне, но наполнение совершенно другое. Тогда многие люди не успели посетить мероприятие, и теперь у них есть уникальный шанс. Ещё к нам придёт много хороших писателей, кто-то тоже в первый раз, а многие коллеги — писатели из других городов — присоединятся к нам по скайпу. Приходите, будет интересно!

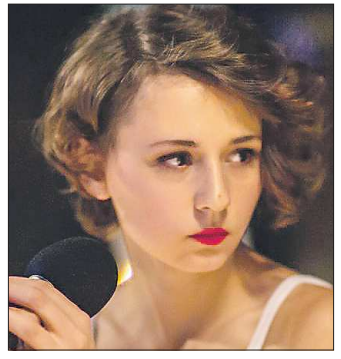
Обложка альманаха

АВТОРА!

Досталось счастье — время и земля

Анастасия ВАУЛИНА

Родилась в 1989 году. Окончила факультет журналистики УрГУ. Журналист, экс-шеф-редактор федерального журнала. Публиковалась в журналах «Урал», «Новая реальность», альманахах «Ликбез», «Красные буквы», «Красные буквы», антологии «Екатеринбург 20:30», «Красные буквы» (3-е место).

ЕГЕНА ВАРИАНДОВА

Птица, разверни меня на юг
в ноябре, когда остынет небо.
Не хватает рук —
так много снега.
Сыпнется оконное стекло:
ягоды под кожей замерзают.
Инеем на пальцах запеклось
кашанье.
Выдох из последнего тепла —
звон его слышен в холодном
свете и отлель в колокола
медью

Весь снег вывалится в субботу
В груди облако
В глазах молоко
а после — наоборот
Если холодными пальцами
трогать лёд ничего
ничего не произойдёт
но кто-то
об этом узнает, кто-то сподёт
колыбельную, в белой подушке
утопит детей матери знают:
там им мамного теплей

Когда мы рисуем в воздухе
пальцами линии,
мир покрывается инеем,
притворяясь какой-то
бескрайней
материей снежною,
издавая неувловимый звук.
Когда вода замерзает
отчаянной прежнего,
это слышно.
Слышно тому,
кто в последний раз
выдыхает
— и больше не дышит

Стало белее.
Холод слёзы к щекам
клетит,
кудри с утра злее

закручиваясь,
волчки.
Им в пространстве зимы тесно:
и оттого, мунтяя,
глаз ручейком
белеет:
холод спаял зрачки.

Воздушные петли нот
изити звуков
узоры...
Мукой молчания
лёд опечалила
стужа, туман отчаял
мукой молчания
пустошь.
Это кружево
— будто на ниточке стая чаек:
потянешь её —
и распустишь.

Пар рисует
в холодном воздухе
тёплый шар
оставляющий капельки
конденсата
на контурах
линий заката.
А ночью эта вода
заостряется в звёзды.
Если stanza
через четыре такта
ещё не поздно

Тесно
в пыльных подолах
бледной зимы-невесты
холод в салки играет
нечестно
пригоршней снежных спиц
и — умирает
всплывая зелёным
лесом выкрикнув стаей птиц

Сегодня я срежу волосы
а завтра заплету волны в косы

Вадим ДУЛЕПОВ

Родился на Среднем Урале, в городе Нижняя Тура. Окончил военное училище, служил в Вооружённых силах, участвовал в боевых действиях. Служил в Туркестане, Венгрии, на Дальнем Востоке, Украине и Урале. Стихи пишет с восемнадцатых. В Союз писателей России рекомендован по рукописи классиком русской поэзии Юрием Кузнецовым в 1995 году. Ответственный секретарь Екатеринбургского отделения Союза писателей России, директор Екатеринбургского Дома писателя на Пушкина, 12.

Вадим ДУЛЕПОВ

Время придумали немцы
в Швейцарии.
Снег сочинили монголы
в Сибири.
В тыщу баянов морозы ударили,
ан вместо музыки —
ветхих просторов —
полей с перелесками,
пашни нагой да простуженных
веток.
добрые люди, мы сами
не местные,
пишем по краешку тут
напоследок
кормимся сладкой рябиновой
крошкой,
ходим в шубейке собачьего кроя,
дышим несильной воздушной
прошвою,
вышитой ниткой благого покоя.
глаз усмирив на родное
последнее,
выдержать, вытерпеть,
вымолчать слово.
что ты глядишь на меня,
солнце бедное,
так виновато и так бесполово?

досталось счастье —
время и земля,
не видная с трамвайных
полустанков.
поэмка, занимается заря —
узнать бы чем? — в зеркальных
окнах банков,
горящих электрическим огнём,
но не холодным, а подобным
жирю,
а я — любовь
Небо играет само с собой
в дождь
Ветер играет сам с собой
в свист
Душа умеет летать оттого,
что не умеет смотреть вниз

и те бредут во тьму, ревя
утробно.

я видел: пел глухоймой —
как дерево махал руками,
мотал кудлатой головой,
мычал и топал каблуклами.
среди асфальтовых полей,
где острый снег сипел

для обеззвученных людей,
один как перст, изгой изгоем.
конечно, пьяный вдрабадан,
конечно, дело у вокзала,
там под землей играл баян,
а на земле — метель играла.
а он ни капли не играл
под репродуктором
гумуливым.

он был один, кто точно знал:
финал обязан быть счастливым.
и чтобы счастье не сплутнуть,
мужские сдерживая слезы,
он песню вел, и песню путь
торили в небе паровозы.
сиял подземный переход.
мела стерильная поэмка.
пой, взбунтовавшийся

нас ждёт родимая сторонка!

После зимней скудной пайки
Возликуй, усталый взгляд!
Над исьтью свердловчачки
В лёгких пальтицах летят!
Смотрят дерзко, вольно,

Ситец, шёлк, атлас, шифон!
Девы — стереоскопичны
сразу с четырёх сторон!
Пусть на позатытых кухнях
Свердловчачки кипят.
Мир, товарищи, не рухнет,
Если девушки летят!

Юрий Казарину

У снега отмолив
Мелодию окраин,
Ты сам себе мотив
Заказывай хозяин.
Звезда и скрип шагов,
Безветренная полночь,
Рифму кровь и кров,
Такой её запомнишь:
Не с прописных —

Морозной стороной,
Где дым из труб печных
Стоит с прямой спиной.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Новинки уральских издательств, на которые мы советуем обратить внимание

Виталий Кальпиди

«Izbrannoe»

Издательство Марины Волковой, 2015

О книге: В «Izbrannoe» вошли стихи 1975–2014 годов из десяти ранее опубликованных книг. В уведомлении автора (так называется предисловие) отмечено, что сама книга напоминает процесс, обратный выпозанию эластичности из собственной кожи. Впервые такую композицию а-ля «обратная перспектива» — от более поздних стихов к ранним — Кальпиди обнаружил в давнем сборнике избранных произведений Андрея Вознесенского. Как говорит автор в том же самом уведомлении: «... ранние стихи настолько беззащитны перед нынешним читателем, что им нужна серьёзная коррупционная поддержка поздних текстов, которые кажутся мне более подлинными без всяких, впрочем, на то оснований».

Об авторе: Учился на филологическом факультете Пермского университета и уже в 17 лет был отчислен с первого курса. Трудился грузчиком, кочегаром. Жил в Перми, Свердловске, с 1990 года — в Челябинске, где и родился. Публиковался в журналах «Юность» и «Знамя», «Урал» и «Литературная учёба», «Родник» и «Лабиринт-Экцентрик». Вдохновитель масштабных литературных акций. Организатор пермского городского клуба поэзии. Сборник «Ресницы» (1997) удостоен премии Академии русской современной словесности. Кальпиди — лауреат премии им. Б. Пастернака, Большой премии «Москва-Транзит», «Slovo» и «ЛитератураПретент».

Цитата: Привет, Свердловск. Я говорю — привет! Не бойся: я один и безоружен, мне помнится, а был кому-то нужен, но не Тебе, и это не секрет. (Заздравная Свердловско)

Андрей Ильенков

«Повесть, которая сама себя описывает»

Издательство — «Кабинетный учёный»

О книге: Действия разворачиваются 7 ноября 1984 года в Свердловске. Три десятиклассника отправляются в коллективный сад, чтобы отметить годовщину Октябрьской социалистической революции. Сад находится на конечной станции единственного в городе одноколейного трамвая № 11. Путешествие в реальном времени занимает не более 10 минут, но в повести оно превращается в эпическое странствие по времени и пространству. Герои едут на трамвае, поужем на машину времени, которая постепенно увозит их в прошлое...

Об авторе: Окончил Уральский государственный университет (филологический факультет), позднее — аспирантуру, в 2002-м защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Александра Блока. С 2000 года на редакторской работе в журнале «Урал». Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Дружба народов», «Наш современник», «Уральская новь», «Уральский следопыт». Лауреат Премии имени П. П. Бажова (2006). Член Союза писателей России.

Цитата: «Ства так редко вздил в трамвае, что всякий раз успеваел крепко подзабыть предыдущий. Поэтому любую его поездку в трамвае можно считать первой».

